

Старший молодой господин Ван с небрежным видом ответил:

— Да кому нужен его живот! Разве одного лица мало? К тому же у меня, твоего старшего брата, тоже нет живота, но кто осмелится сказать, что я не статен и не красив?

Уважаемый господин Ван был совершенно прав.

Цуй Се с удовлетворением проводил его, а затем выбрал двухстраничный разворот с изображением «Люй Бу ухаживает за Дяочань» и велел печатникам сделать еще несколько оттисков и отнести в лавку. Управляющий Цзи и остальные должны были показать рисунки покупателям и разузнать у народа, по душе ли им такой стиль.

Кто бы мог подумать, что не успели картинки отправить, как явился сам управляющий Цзи. Причем пришел он еще в полдень и просидел до самого окончания занятий Цуй Се, едва притронувшись к еде и чаю.

Глядя на его растерянный вид, Цуй Се едва не решил, что двор вознамерился запретить «Троецарствие». Он поспешно велел Пэн Яню принести свежего чая, сел напротив управляющего и ласково спросил:

— Что произошло? Когда наша лавка была на грани разорения, мы и то выстояли. Почему же сейчас, когда книги отлично продаются, ты выглядишь таким перепуганным?

Управляющий Цзи провел рукой по лицу и передал ему выпуск «Столичных дневных записок», который сжимал в кулаке весь день, так что бумага насквозь промокла от пота. Дрожащим голосом он вымолвил:

— Молодой господин, взгляните сами! Это мой негодный сын привез из столицы. В нем напечатана «Глава о поощрении к учению» господина Чжана. Посмотрите на предисловие к этой статье: господин Чжан... господин Чжан узнал о вас...

Сердце Цуй Се забилось быстрее. Он взял «Записки», открыл на «Главе о поощрении к учению» и внимательно вчитался. В предисловии и впрямь имелась строка: «Впечатлившись „Парными изречениями из Четверокнижия“, собранными неким Цуем, школяром из уезда Цяньань, я написал сию статью для шэньюаней воинского искусства в Пекине».

От автора:

«Истина не имеет предела, и даже святые мудрецы нуждаются в учении» — цитата из раздела восьмичленного сочинения Гуй Югуана «В пятнадцать лет я устремился к учению».

В Великой Мин славилось учебное пособие по восьмичленным сочинениям, которое двор неоднократно проверял и запрещал, но так и не смог искоренить, — положившее начало натаскиванию на темы для кэцзюй и переиздававшееся из года в год издание «Столичные дневные записки». И вот в предисловии к наставительной статье на страницах этого издания упоминались родной уезд и фамилия некоего Цуя, а также название составленной им книги! Какая невообразимая честь!

[Не за горами тот день, когда я стану вторым Цуй Хоусюном!]

Цуй Се незаметно расправил плечи. Он решил, что по завершении августовских сянши попросит советника Лю помочь собрать экзаменационные работы из Шуньтяньфу для издания.

Управляющий Цзи преданно смотрел на него и заговорил лишь тогда, когда тот дочитал статью до конца:

— Хозяин, мне кажется, вы приглянулись господину Чжану, и теперь сможете взлететь прямо к небесам! Мы ведь не так бедны, как раньше, пару тысяч лянов серебра точно наскребем. Даже если вы не сдадите экзамен на шэньюаня, мы сможем купить звание цзяньшэна, а затем и должность чжуншу шэжэня. А с господином Чжаном, покровительствующим вам при дворе, вы запросто станете чиновником!

Цуй Юань с трудом подавил волнение:

— Молодой господин, вы стали вундеркиндом, да еще и удостоились похвалы господина Чжана! Может, теперь господин разрешит вам вернуться домой?

Цуй Се развернул «Главу о поощрении к учению» и, указывая управляющему Цзи на отрывок о падении дисциплины среди обучающихся воинскому искусству, произнес:

— Погляди, какова задумка господина Чжана. Он хотел поставить ученикам воинского искусства в пример бедность и стойкость усердного книгочея. Лишь продвигаясь собственными трудами и учением, я буду достоин его похвалы. Если же он только что выставил меня бедным, но трудолюбивым учеником, а я тут же побегу покупать себе должность, как на меня посмотреть этим шэньюаням? Разве это не пойдет вразрез с волей господина Чжана?

Затем он взглянул на Цуй Юаня и прямо добавил:

— И с возвращением к отцу то же самое. Наш господин ни за что не позволит мне вернуться.

Цуй Юань сокрушенно вздохнул:

— Молодой господин и так сын господина Цуй Цюэ! Как можно отказываться от этого из-за какой-то статьи? Какой бы высокий чин ни занимал господин Чжан, он должен следовать разуму. К тому же наш господин всегда был человеком прямым и непреклонным, он не из тех, кто выслуживается перед начальством...

Цуй Се качнул головой и спокойным тоном ответил:

— Поговорим об этом позже. Теперь, когда мое имя у всех на слуху, у меня появилась дополнительная уверенность перед суйши в следующем году, и это стоит отпраздновать. Дядюшка Юань, ступай и попроси невестку Хуан затушить тот окорок. Вечером мы устроим праздник для себя. Только не нужно поднимать шумиху, чтобы нас не сочли легкомысленными.

Цуй Юань и сам понимал, что Цуй Се сейчас подобен императрице Чэнь, сосланной во Дворец Чанмынь: дожидаться раскаяния императора У-ди невозможно, и получить оду Сыма Сянжу — уже великая удача. Поэтому он оставил несбыточные надежды, велел невестке Хуан приготовить побольше вкусных блюд, а сам отправился в ресторан «Фэншунь» заказать еду и вино, чтобы вечером пригласить на пир и работников книжного магазина.

Увидев, что тот ушел, а молодой хозяин так и не станет чиновником, управляющий Цзи расстроился и тоже поднялся, чтобы попрощаться. Однако Цуй Се остановил его жестом и произнес:

— Управляющий Цзи, не спешите уходить. Я бы хотел спросить кое-что о «Парных изречениях

из Четверокнижия».

На самом деле Цуй Се совершенно не стремился в столицу и уж тем более не желал видеть Цуй Цюэ с супругой. Намного больше его занимало то, как книга попала в столицу и привлекла внимание господина Чжана.

Эта книга «Парные изречения из Четверокнижия» с самого момента печати пылилась на прилавке, и никто ею не интересовался. С чего вдруг появился богатый покупатель, выкупивший весь тираж, да еще и так удачно показавший ее господину Чжану? И почему господин Чжан внезапно заинтересовался изречениями, собранными каким-то мальчишкой, да не просто пролистал и выбросил, а решил сделать его примером для усердно учившихся шэньюаней?

Едва ли у Цуй Цюэ проснулась совесть, и он подослал кого-то выкупить залежавшийся товар, а затем специально порекомендовал своего гениального сына господину Чжану?

Да если бы Цуй Цюэ и сошел с ума настолько, чтобы устроить такое, высокопоставленный министр обороны второго ранга не стал бы ронять свое достоинство и подыгрывать ему!

А считать все это простой случайностью — значит оскорбить все те детективные романы и фильмы, которые он прочел и просмотрел за свою жизнь. За этим наверняка стоял кто-то влиятельный и знатный из столицы, имеющий связи в Министерстве обороны, при этом с добрым и великодушным сердцем, готовый протянуть руку помощи одинокому юноше...

В его крайне скромном круге общения каждому из этих требований соответствовал только один человек.

Цуй Се опустил глаза, размышляя и тихо постукивая пальцами по странице книги, после чего спросил управляющего Цзи:

— Ты помнишь, как выглядел тот купец, выкупивший весь тираж?

Управляющий Цзи ответил не колеблясь:

— Помню! Очень богатый господин, в меховом халате, крытом ярко-красным шелком. С ним еще было несколько слуг, свирепых на вид, точь-и-точь военные. Вид у него был внушительный — сразу видно, не из наших глухих мест! Тогда не только наших слуг гоняли туда-сюда, но и покупатели в лавке от страха жались по углам и не смели подойти.

Цуй Се продолжил расспрашивать:

— А можешь точно вспомнить черты его лица? Был ли он невероятно красив, с легкой улыбкой на губах, похож на благородного молодого ученого?

Кое-что сходилось, а кое-что — нет. Тот богач был высоким и худым, вполне видным мужчиной, но кончики его бровей были густыми и растрепанными, скулы выдавались вперед, а щеки слегка ввалились. Даже когда он улыбался, в нем проглядывала суровость воина, совсем не похожая на утонченность ученого.

Цуй Се не расстроился. Он решил сперва нарисовать этого человека, чтобы при встрече случайно не упустить своего благодетеля. Зайдя в комнату, он взял самодельный угольный карандаш и плотную бумагу, а затем детально расспросил управляющего Цзи: какие у того были брови, форма глаз, губ, овал лица, выражение... После нескольких правок на бумаге

проявился силуэт, который показался самому Цуй Се удивительно знакомым.

Это был не кто иной, как Се Шань, который часто приносил вещи в их дом.

Цуй Се бросил незаконченный рисунок в жаровню с углями, предпочтя просто запомнить доброту его господина. Он улыбнулся и сказал:

— Ну что же, теперь я понял, в чем дело. Вам больше не о чем беспокоиться. Ступай на задний двор, возьми готовые оттиски «Люй Бу ухаживает за Дяочань» и отнеси в лавку показать читателям. Если всем придется по душе телосложение военачальника, я начну рисовать другие картины с героями: «Клятву Трех братьев в Персиковом саду», «Чжан Фэй в гневе сечет надзирателя» и прочие.

Управляющий Цзи с недоумением посмотрел на него, желая расспросить подробнее, но так и не решился.

Цуй Се видел его любопытство, но не спешил раскрывать тайну. Лишь слегка улыбнувшись, он произнес:

— Этот человек оказал мне благодеяние, не рассчитывая на награду. Неужели я могу отплатить за его помощь жалкими грошами? Лучше уж я просто сохраню эту благодарность в сердце. А когда добьюсь успехов на государственных экзаменах и буду достоин стоять рядом с ним, тогда и поговорим.

Управляющий Цзи ничего не понял из этих слов, но лишь покачал головой и отправился на задний двор за цветными рисунками. Принеся их в лавку, он наклеил одну картинку на прилавок, чтобы ее видели все покупатели. Оставшиеся с десятков оттисков он убрал под стойку, дабы дарить в качестве бонуса крупным клиентам, сделавшим покупку на сотню лянов.

Кроме того, он велел печатникам срочно изготовить еще несколько экземпляров «Парных изречений из Четверокнижия» и снова выставить их на продажу. Сам же он тушью на красной бумаге аккуратно переписал «Главу о поощрении к учению» господина Чжана, сделав из нее рекламный плакат. Стоило кому-то из шэньюаней прийти за «Столичными дневными записками», как прилавочный слуга тут же с улыбкой сообщал, что в их лавке продается та самая книга «Парные изречения из Четверокнижия» от упоминаемого господином Чжаном некоего Цуя, школяра из уезда Цяньань, и спрашивал, не желает ли гость приобрести комплект.

<http://bllate.org/book/18372/1761297>